

Чувство и рассудочность

Михаила Грешнова ставропольский читатель знает как автора нескольких сборников рассказов, увидевших свет и в местном краевом и в некоторых других издательствах страны.

Не раз писателю доводилось слышать упрек — и на обсуждениях его творчества, и от критики — в однообразии, в повторяемости сюжетов рассказов, в постоянной приверженности к одной теме — любви.

С того года, как появились в альманахе «Ставрополье» первые рассказы Грешнова, прошло немало лет. Читатель успел убедиться в его настойчивом стремлении расширить тематические рамки.

Грешнов упорно хотел быть разнообразным, но нечто неизменное оставалось во всем им написанном. Какова же природа этого «нечто», которое, очевидно, и составляет творческое лицо писателя, то, от чего уйти просто невозможно, как невозможно уйти от самого себя.

С годами это «нечто» принимало более определенные очертания, выражаясь то лирично и взволнованно, то дидактично и навязчиво.

И вот новый цикл рассказов «Лабинские новеллы». Многие в этом цикле знакомо читателю, но собранное вместе с новыми рассказами позволяет определеннее почувствовать и сильные, и слабые стороны дарования Грешнова.

То самое «нечто», определяющее внутренний нерв рассказов, звучит и здесь. Скорее всего, его можно определить как неугасающее отвращение ко всему бесчеловечному, ко всякой пошлости, принимающей тем более отвратительный облик, чем тоньше и интимнее сфера, где она проявляется. Автор неотступно преследует своего врага, стараясь обнаружить его даже тогда, когда он предстает в трудно увозимом облике, возникая за незримой ранью, за которой обычное, нестрашное

становится омерзительным, страшным.

Грань эта подчас кажется очень зыбкой и хрупкой, но чуткому сердцу она ощутима, как ощутим каждый нюанс звука чуткому уху.

Почему охота на зверя — явление обычное, увлекавшее многих хороших и умных людей, в конце концов, просто вид споре, прославленный достаточно в литературе, бессмысленное убийство животного — жестокость, вызывающая омерзение. («В тумане»).

Почему, когда взрослый человек отказывает плачущему ребенку выпустить в реку форелей, из которых он собирается сделать отличный «закусон», мы воспринимаем его поступок как проявление тупой ограниченности, непонимания детской души. («Форель»).

Отчего милое, чуть-чуть потешное для многих из нас детское собственничество (как часто мы смеемся, поддразнивая ребят: ешь скорее, а то отдам папе или бабушке) вызывает у нас горькие предчувствия («Мина»).

В нашей повседневности перед нами часто встают подобные вопросы. Во всяком случае должны вставать, так как само возникновение их свидетельствует о сложности и богатстве эмоциональной жизни человека. Неугасающее влечение читателя ко всему, где говорится о сложности и богатстве человеческого сердца, лучшее свидетельство естественности и правомерности внимания к эмоциональной жизни, возросшего за последние годы в литературе. Забота о всестороннем развитии человеческой личности, строителя будущего, уже стала нашей повседневной заботой. Воспитывать в человеке тонкость восприятия каждого явления в его конкретности — задача очень важная, но нелегкая. Она требует от самого писателя бережного и тактичного подхода к каждому явлению жизни. Если перед нами сосуд из тонкого хрупкого стекла, естественно его нужно нести осторожно, едва прикасаясь к его стенкам, иначе — грубое движение — и сосуд, исчез, а в руках у нас — бесформенная куча осколков.

Рассказ Грешнова «В тумане» принадлежит, пожалуй, к числу лучших его созданий.

Участковый врач Леонид Иванович в предутреннюю туманную пору отправился в горы, чтобы оказать помощь сломавшему ногу чабану. Путь его лежит через лесистую местность. Неожиданно из тумана перед ним вырастает медведь, И хотя он был человек совсем не воинственный, в страхе за свою жизнь убивает медведя и лишь потом начинает понимать, что медведь был уже кем-то ранен в голову, отчего ослеп и оглох. Только теперь стало понятно, странное поведение зверя: он шел, вытянув лапу, словно моля о помощи.

Придя к чабанам, Леонид Иванович узнает, что медведя чуть ли не в шутку убили за то, что он «жрал» дикие груши. Со смехом об этом ему сообщил белозубый парень, добавив, что и ногу Эргенов сломал в погоне за медведем, Мы перестаем думать о пострадавшем чабане, упомянутом уже в начале рассказа. Нас волнует иное. Мы уже не ждем занимательной истории с вольными и невольными подробностями из медицинского обихода. Наше сердце наполняет нечто подобное тому, что испытывает и герой рассказа. Ощущение причастности к чему-то гадкому заставляет его страдать.

«Неужели я это сделал?— Леонид Иванович чувствовал себя сообщником белозубого и Юсуфа, старался не глядеть на них, не слышать их смеха. Ведь это страшно — убить,— думал он,— даже зверя...»

Жестокость бессмысленного убийства страшна. Но еще страшнее то, что люди не понимают этого, что в них — постыдное равнодушие к чужому страданию и нет даже тени той совестливости, которая как: компас обозначает путь к человечности в любом, самом незначительном случае, и не пускает за ее грани к жестокому и пошлomu. Ощутить связь между глупой шуткой, доставляющей кому-то боль, и жестокостью, связь между будто бы

малым и значительным, заметить силу мелочей, влияние их на человеческую душу можно, только орудуя достаточно тонкими и точными инструментами творчества.

И хорошо, что у Грешнова мы находим рассказы, где есть эта тонкость мастерства.

Когда подвыпившие веселые шоферы, забавляясь, перебрасывают пинком одноглазого визжащего от боли и страха щенка, они не задумываются, что делают что-то скверное, бесчеловечное, но когда инициатор этой «шутки» Каплунок бросает одноглазому плотогону Николаю Когтю, защитившему животное, — «родство душ... Два глаза на двоих...», то все постепенно смолкают. Грубоватым, но в сущности неплохим людям становится вдруг ощутима та нить, что протянулась от недоброй забавы: до жестокого, бестактного слова.

И никого не удивило, когда плотогон, уходя вместе со щенком, бросил Каплунку.

— Если Машке скажешь какую пакость...— замолк на минуту, словно отмеряя, чего и сколько ему назначить.— С-под почвы выну!

Не о щенке здесь внутренний спор, а о человеке. Не должен человек убивать в себе человеческое. А оно проявится во всем — в отношении ли к беспомощной-зверюшке или человеку, чужому ли, ближнему ли.

Но, к сожалению, не всегда почувствует читатель тот толчок в сердце, что возникает всегда, если писатель умело ударил: по какой-то, лишь ему ведомой струне. Есть у Грешнова-писателя два врага: психологическая не аргументированность и дидактизм, рассудочность, что нередко вставляют палки в его творческие колеса.

Особенно обнаженно психологическая необоснованность движений души человеку видна в рассказе «Меченый».

Двадцать лет жил Сергей Иванов, по прозвищу Меченый, с недобрым чувством, подозревая фронтового

товарища в намерении его убить: когда они были вместе; в разведке и Меченого схватили немцы, другой разведчик. Звонов, стрелял, как казалось Сергею, в него, чтобы не отвечать за «салагу», Двадцать лет ждал встречи с этим человеком, чтобы отомстить. И вот встретил. И узнал от него, что тот стрелял не в Сергея, а в немцев.

Интересное «открытие»,— скажет читатель, который уж давно раздумывал, почему же Сергей воспринял и выстрелы на свой счет? Разве не естественнее было во всем этом увидеть намерение Звонова вызволить товарища из беды: ведь и попал-то-он, когда стрелял в немца.

Двадцать лет человек ненавидел другого, двадцать лет ждал часа мести, Но не верит ничему этому читатель. Не верит потому, что нет в рассказе даже попытки исследовать психологические предпосылки такого заблуждения. Что определило такую подозрительность в хорошем парне, добровольце, выросшем в дружной семье. Ведь естественнее, проще было думать, что товарищ защищает тебя, а не предает.

Создается впечатление, что автор или не разобрался в психике своего героя или навязал ему всю эту психологическую коллизию.

Случается и так, все в рассказе верно, все будто бы так, как должно быть, а он не волнует читателя, потому что вся аргументация поведения и внутреннего состояния героя идет более от разума автора, от внешней логики, чем из глубокого проникновения в суть характера (например, рассказ «Рождение человека»).

Заданность способна погубить любой хороший замысел. У каждого героя есть свой характер, свои мысли и чувства, Герой может вступить в спор с писательским замыслом, может и идею его повернуть совершенно иной гранью. Всем известно, как «Анна Каренина» из разоблачения неверной жены превратилась в обвинительный акт против светского общества. Если писатель перестает проникать в существо характеров своих героев, перестает

ощущать их как живую трепетную плоть, его всегда подстерегает опасность фальши и дидактизма. В некоторых рассказах искренность и лиризм уступают место навязчивой проповеди. Особенно ошутимо это в концовках рассказов, где автор любит разъяснять свой замысел или уточняет состояние героев.

Вот несколько примеров.

«Да и что они — страхи. Сами мы их выдумываем. Каждый по-своему («Страхи»).

«Отчего это,— думала она,— я какая-то нынче другая, новая?». Это было действительно так, Галина была другой — она входила в мир, который весь принадлежал ей». («Под кронами»),

«От Сухуми до Севастополя один шаг» (так в конце рассказа «Клаги» автор успокаивает читателя, что герои, не смотря на все пережитые трагедии, все-таки помирятся. А нужно ли всегда ставить точку над И?).

Чувствуется, когда сопоставляешь ранее написанное Грешновым с тем, что задумано позже, что он много работает. Таких концовок остается все меньше (удачные концовки в рассказах «Старый мастер», «Золотошники», «Просто царпина»). Автор отходит от навязчивых объяснений. Но само по себе это, деля рассказы естественнее, лиричнее, не делает их глубже. Очевидно, нужна не только работа по оттачиванию мастерства, в какой-то степени рассудочная, но и углубление непосредственности видения окружающего мира, что достигается только пропущенным сквозь самое существо писателя знанием жизни.

Потому-то, очевидно, удаются Грешнову рассказы, где жизнь преподносится через детское восприятие. Он педагог и, очевидно, хорошо знает детскую психологию (см. рассказы «Просто царпина», «Форель» и др.).

Очевидно Грешнову, как писателю, свойственно то несколько наивное удивление перед жизнью, что характерно для детского восприятия. И на этой стезе, может быть, его ждут интересные находки.

К лучшим можно отнести и рассказы, где ключевую позицию в сюжете занимают животные. В этих рассказах ощущается мудрая сдержанность, что всегда признак подлинной художественности.

ТАТЬЯНА БАТУРИНА